

ХИЗЕР
ГРОТХАУС

Страсть
и судьба

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44
Г89

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Christina Brooke

NEVER SEDUCE A SCOUNDREL

Перевод с английского *В. А. Львова*
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства
Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Гротхаус, Хизер.

Г89 Стрась и судьба : роман / Хизер Гротхаус ; [пер. с англ. В. А. Львова]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-093914-5

Единственную ночь безумной страсти провели однажды на руинах древнего языческого капища мужественный Оливер Беллкот и предназначенная стать «невестой Христовой» престная Сесили Фокс.

Единственная ночь — разве этого мало, если двое предназначены друг для друга самой судьбой?

Сесили постаралась забыть о случившемся, однако прошлое вернулось, когда отважный горец стал гостем в замке Фоллстоу и именно ей пришлось играть роль гостеприимной хозяйки. Оливер помнит все, да и в силах ли он забыть женщину, раз и навсегда изменившую его жизнь, — свою единственную любовь?

Но счастье влюбленных висит на волоске — мрачная и опасная тайна грозит погубить обоих...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44

© Heather Grothaus, 2013
© Перевод. В.А. Львов, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-093914-5

Глава 1

*2 февраля 1277 года
Замок Фолстоу, Англия*

У Сесили Фокс было такое чувство, словно она падает в пропасть.

После обильного ужина в большом зале замка прошло уже добрых два часа, и почти все это время она стояла в полном одиночестве, наблюдая за отвратительным поведением бражничавших гуляк и изо всех сил стараясь при этом сохранять невозмутимое выражение лица. Однако справиться с этой задачей ей становилось все труднее и труднее. Мужчины прикладывались к спиртному так часто и с такой жадностью, что вино проливалось им на одежду. Многие дамы опрометчиво пытались не отставать от своих кавалеров. Мужчины и женщины, не связанные узами брака, увлеченно танцевали. Впрочем, их непристойные движения и бесстыдные соприкосновения тел вряд ли можно было назвать невинным развлечением, каковым, по общему мнению, является танец.

С трудом скрывая возмущение, Сесили обзревала все вокруг и видела, что даже самые невзрачные,

робкие и глуповатые девицы пользовались успехом у противоположного пола. Даже несчастная леди Анжелика, страдавшая косоглазием и брызгавшая слюной во время разговора, самозабвенно кружилась в вихре танца в объятиях молодого кавалера, то и дело беззастенчиво хватавшего ее за грудь.

И только Сесили стояла в полном одиночестве.

Ни один кавалер не приглашал ее танцевать. Ни один мужчина не смел подойти к ней, чтобы шепотом предложить улизнуть из бального зала и уединиться где-нибудь на часок для греховных утех. Она была богатой леди из рода Фолстоу, к тому же весьма могущественной благодаря своей старшей сестре Сибилле. Незамужняя, без малейших признаков косоглазия, Сесили никогда не брызгала слюной во время разговора. И все же мужчины вели себя так, словно не замечали ее присутствия на празднике.

Для всех, кто ее знал — и даже для тех, кто только слышал о ней, — она была Святой Сесили, средней дочерью Амиции и Мориса Фокс, обреченной на кроткое самопожертвование. Хотя официально Сесили еще не заявляла о своем окончательном решении уйти в монастырь, она уже выполняла многие обязанности монахинь, помогая священнослужителям. Накануне она до самого рассвета помогала преподобному отцу Перри в его бесчисленных утомительных приготовлениях к празднованию Сретения*. Еще Сесили несла на себе бремя милосердия, ухаживая за больными и умирающими и добросовестно молясь за них во время литургии.

Она редко поддавалась сильным эмоциям, никогда не лгала, не сплетничала, всегда слушалась свою старшую сестру, Сибиллу, ставшую главой се-

* 2 февраля. — *Здесь и далее примеч. пер.*

мейства после смерти их родителей. Сесили не любила пышных нарядов, предпочитая одеваться как монахиня. И это удавалось ей до такой степени, что чужестранцы часто приветствовали ее почтительным поклоном, бормоча: «Да благословит тебя Господь, сестра».

Сесили знала, что ею восхищаются и даже почитают за скромность, строгость и благопристойность. Внешне она не была такой самоуверенной, как ее младшая сестра, Элис, весело отплясывавшая со своим молодым мужем в толпе гостей. Не была она и честолюбивой, как ее старшая сестра, Сибилла, железной рукой управлявшая поместьем Фолстоу. Большую часть своей двадцатидвухлетней жизни Сесили занималась воспитанием в себе кротости, смирения и благородства.

Сейчас же ее кроткое, по общему мнению, сердце было переполнено такими противоречивыми чувствами, что она была готова провалиться сквозь землю.

Мимо нее, едва не задевая массивные железные чаши с пылавшими в них ветками остролиста, оставшимися после Рождества, проносились в круговороте веселья и ярких красок танцующие пары. Хотя в зале в положенных местах горели церковные свечи, во всем остальном праздник все же оставался языческим прощанием с опостылевшей зимой и радостной встречей долгожданной весны. Сесили знала, что ее старшая сестра намеренно хотела подчеркнуть языческий аспект праздника — увы, злые сплетни о Сибилле, казалось, лишь разжигали в ней своенравность.

Не без труда пробираясь сквозь толпу танцующих гостей, Сибилла шла к сестре, чувствуя со всех сторон восхищенные и одновременно за-

вистливые взгляды. Мужчины бросали на Сибиллу алчущие взоры, при этом в глазах тех немногих, кому посчастливилось хоть раз держать ее в своих объятиях, явственно читалась неизбывная сердечная тоска. Те же, кто так и не удостоился ее внимания (и постели), ходили за ней по пятам, забыв про гордость. Сибилла была влиятельна и желанна, чего никак нельзя было сказать о ее младшей сестре.

Вдруг Сесили заметила в толпе гостей человека, из-за которого ей было так горько на душе.

Оливер Белкот.

«Он мог бы быть твоим мужем», — напомнил ей внутренний голос.

— Здравствуй, моя милая, — пропела над ухом Сибилла, наконец сумевшая добраться до сестры. — А я уж было подумала, что ты давно ушла к себе и видишь седьмой сон.

— Кто знает, может, этот праздничный пир в Фолстоу последний в моей жизни, Сибилла, — отозвалась Сесили, стараясь говорить как можно веселее. — Мне хочется запомнить его.

Сибилла понимающе сжала руку сестры, но не сказала ни слова относительно ее намека на уход в монастырь. Несколько секунд они обе молча глядели на царившее вокруг пьяное распутство якобы по поводу святого праздника Сретения. Неожиданно Оливер Белкот снова попал в поле зрения Сесили, чем спровоцировал ее на ядовитое замечание.

— Я крайне удивлена видеть его здесь, на пиру, — несколько отстраненно произнесла она.

— Кого? Оливера? — уточнила Сибилла, и Сесили скорее почувствовала, нежели увидела, как сестра пожала плечами. — Наверное, теперь его следует называть лордом Белкотом.

Сердце Сесили забилося сильнее, от неожиданно разыгравшегося воображения перехватило дыхание.

— Не прошло и месяца со дня гибели Огаста, а Оливер уже пирует как ни в чем не бывало. Это неуважительно с его стороны как по отношению к брату, так и к тебе, Сибилла.

Старшая сестра чуть отстранилась, и в ее голубых глазах сверкнул лед. Сесили почти физически ощутила волну холода и пожалела, что так резко отозвалась об Оливере.

— Знаешь, Сесили, я вовсе не оскорблена присутствием Оливера и тем более его беспечным весельем. Ни для кого не секрет, что он частенько раздражал своего старшего брата, Огаста, и все же братья искренне любили друг друга.

Сесили взглянула на сестру, и у нее против воли вырвался вопрос:

— Сибилла, а ты любила Огаста?

На какое-то мгновение глаза старшей сестры странно блеснули, губы горестно поджались, но тут же на ее лице появилось выражение привычной меланхолии, отчего сердце Сесили болезненно сжалось.

— Нет, я его не любила, — призналась Сибилла, глядя на гостей, расходившихся из центра зала, поскольку музыка кончилась. Казалось, они могли общаться друг с другом только криками и пронзительным смехом. Для Сесили эти резкие звуки казались воплями боли и мучений, и все же ей удалось расслышать тихие слова сестры: — Уверена, ты сейчас жалеешь меня...

— Скорее беспокоюсь за тебя, — поправила сестру Сесили. — Я помню, как Огаст приезжал в Фолстоу в последний раз, и тогда вы оба...

— Я тоже это помню, — проговорила Сибилла, продолжая безразличным взглядом скользить по толпе гостей. — В тот раз я велела ему никогда больше не появляться в замке.

— Но ты ведь не это хотела ему сказать...

— Именно это, — холодно возразила Сибилла. — И вот теперь он действительно уже никогда не вернется сюда. Теперь титул лорда Белкота перешел к Оливеру, хотя он, по словам его покойного брата, никогда к нему не стремился. Оливеру придется распрощаться с беззаботной жизнью и взять на себя тяжелое бремя ответственности за огромное поместье и прочее имущество. Возможно, теперь он женится на леди Джоан Барлег — надо подумать о наследниках.

Сибилла на минуту замолчала, размышляя о чем-то, потом тихо добавила:

— Я рада видеть его в Фолстоу.

— Сибилла, ты ни в чем не виновата, — поспешно проговорила Сесили. Она раскаивалась в том, что заставила сестру вновь столкнуться с болезненными и горькими воспоминаниями. — Ты совершенно не причастна к гибели Огаста. Это был несчастный случай, только и всего.

— Молись за меня, сестра, прошу тебя...

Сесили отвела взгляд от бледного загадочного профиля Сибиллы. Тем временем снова заиграла музыка и на середину зала потянулись пары танцующих гостей.

— Надеюсь, он действительно женится на леди Джоан, — отрывисто произнесла Сесили. — Последние два года он бессовестно играл чувствами бедняжки. Должно быть, она испытывает ужасное унижение. Они хоть помолвлены?

— Оливер берет у Джоан Барлег только то, что она сама с радостью ему отдает, — хмыкнула Сибилла. —

Теперь, когда он стал лордом Белкотом, владельцем поместья Белмонт, у нее появился шанс существенно улучшить свое положение. Если бы первородным сыном был не Огаст, а Оливер, у леди Джоан было бы совсем мало шансов завоевать его сердце.

На губах Сибиллы появилась слабая улыбка.

— Наверное, ты этого совсем не помнишь, но, когда вы с Оливером были детьми, ходили разговоры о том, что вас неплохо бы помолвить.

На самом деле Сесили отлично помнила об этом, и ей пришлось приложить немалое усилие, чтобы удержать язык за зубами.

Не дождавшись от сестры никакой реакции на слова о помолвке с Оливером, Сибилла продолжила разговор:

— Этот брак круто изменил бы жизнь Джоан в лучшую сторону. Впрочем, еще не было никакого официального сообщения об их помолвке, так что всякое возможно...

Словно почувствовав, что сестры Фокс говорят о нем, Оливер Белкот собственной персоной направился в их сторону сквозь толпу танцующих гостей. Попав в своего рода ловушку между дамой и кавалером, он ловко высвободился, бесстыдно ущипнув даму за пышный зад, что вызвало вульгарный хриплый хохот у нее самой и окружающих. И все это время Оливер бережно держал высоко над головой большую чашу с вином.

По мере его приближения Сесили все острее чувствовала, как все внутри у нее болезненно сжимается.

Очутившись наконец перед сестрами, он отвесил обеим пьяный поклон, на его губах появилась кривая самоуверенная ухмылка. Его карие глаза, обрамленные густыми черными ресницами, казалось,

были припорошены золотистой пылью, скрывавшей их истинное выражение.

— Леди Сибилла, — выдохнул он, трижды звонко целуя ей руку.

Сесили раздраженно закатила глаза и едва слышно вздохнула.

— Ах, лорд Белкот, — рассмеялась Сибилла, — вы так учтивы...

По всем правилам этикета ему полагалось отпустить ее руку и выпрямиться. Вместо этого он неожиданно опустился на одно колено, прижал к груди руку Сибиллы и снова поцеловал ее пальцы. Потом поднял на нее обожающий взгляд и негромко сказал:

— Леди Сибилла Фокс, вы самая эффектная и соблазнительная женщина на свете. Выходите за меня замуж!

Сесили тихо ахнула.

Сибилла же откинула голову назад и засмеялась еще громче. Однако Сесили заметила, что в глазах сестры блеснули слезы. Или это ей только почудилось из-за дыма и мерцающего света канделябров?

— Ваш смех означает отказ? — с притворным удивлением и отчаянием в голосе спросил Оливер.

— Берегитесь, леди Сибилла! — звонко прозвучал озорной женский голос, и Сесили, обернувшись, увидела пронесившуюся мимо них в танце прехорошенькую Джоан Барлег. Ее золотистые кудри выбились из прически, она выглядела такой беззаботной и... естественной, что Сесили напряглась еще больше.

Сибилла подмигнула Джоан и помахала ей рукой в знак того, что услышала ее слова, потом снова взглянула на все еще коленапреклоненного Оливера Белкота.

— Да, это означает отказ, — прозвучал ее ответ.

К немалому ужасу Сесили, Оливер издал жуткий вопль, словно его пронзила стрела, и упал навзничь, умудрившись все же не разлить бокал с вином.

— Я раздавлен! Мне конец! — кричал он в притворной агонии. Стоявшие рядом гости стали показывать на него пальцами и хохотать. Неожиданно Оливер поднял голову, сделал несколько шумных глотков вина и, взглянув на Сибиллу, громко произнес:

— Может, тогда хоть переспим разок? Знаю, это звучит неприлично, но теперь, когда я ношу титул лорда и мы равны по положению, разве мне нельзя претендовать на вашу постель?

— Нет, это уж слишком, — процедила сквозь зубы Сесили, чувствуя, как краска заливает ей щеки.

Кокетливо склонив голову набок, Сибилла сочувственно улыбнулась ему:

— Прости, Оливер.

Он жалобно наморщил лоб и стал похож на побитого щенка.

— Черт бы побрал мою нерасторопность, вас уже уговорил другой?

— Боюсь, что так, — в тон ему ответила хозяйка бала.

— Сибилла, как ты можешь! — негодуяще зашипела Сесили, возмущенная столь неприличной беседой, пусть даже шуточной, да еще с таким человеком, как Оливер Белкот.

— Прости меня, Сесили, — ответила Сибилла, со скрытым удивлением глядя на сестру, пока лорд Белкот, пошатываясь, поднимался на ноги.

Сесили распрямила плечи и несколько успокоилась, поняв, что старшая сестра вспомнила о знат-

ности их гостей, в присутствии которых не стоило рисковать своим добрым именем.

— Весьма необдуманно с моей стороны, — продолжила Сибилла. — Лорд Белкот, я действительно занята другими делами, зато леди Сесили пока что свободна.

При этих словах Сесили похолодела. Ей хотелось не то плакать, не то бежать прочь из зала.

С трудом поднявшись на ноги, Оливер Белкот отряхивал штаны. Слова Сибиллы заставили его замереть на месте. Медленно подняв голову, он встретился взглядом с Сесили.

Она перестала дышать. Ей показалось, что у нее перед глазами сверкнула молния. Ее первой мыслью было: «Да он так же одинок, как и я!» Его пронзительный взгляд был невыносимым, и ей захотелось закричать, чтобы он перестал смотреть на нее, или повернуться к Сибилле и отругать за то, что она выставила ее на посмешище... Неожиданно она поймала себя на мысли, что ей хочется услышать от Оливера Белкота какое-нибудь непристойное предложение, чтобы иметь возможность... согласиться.

Оливер перевел взгляд на Сибиллу, и в ту же секунду оба расхохотались.

— Прошу прощения, Оливер, за неудачную шутку, — проговорила Сибилла, одной рукой обнимая сестру за талию, и Сесили выдавила слабую улыбку. — Моя обожаемая сестра даже не взглянет на такого мужчину, как вы.

— И это вполне понятно, — лукаво улыбнувшись, согласился с ней Оливер и отвесил низкий поклон в сторону Сесили, даже не глядя на нее. — Увы, я недостойн внимания столь благородной леди.

— А моего внимания вы, значит, достойны? — приподняла одну бровь Сибилла.

Проказник подмигнул ей.

— Всегда стремитесь достичь максимума своих возможностей, — многозначительно произнес он и снова поклонился: — С вашего позволения, дамы...

И с этими словами он со змеиной грацией скользнул в толпу веселящихся гостей.

На глазах Сесили выступили слезы, она с трудом проглотила подступивший к горлу комок.

— Может, он... — вздохнула Сибилла. — Сесили, что с тобой?

— Все нормально, Сибилла.

На лице старшей сестры появилось несвойственное ей выражение сочувствия.

— Прости, я только хотела, чтобы ты немного повеселилась со всеми, — тихо сказала она. — Ты казалась такой одинокой...

«Да как же я могу веселиться вместе со всеми? — мысленно прокричала сестре Сесили. — Никто не хочет даже поговорить со мной. И только что от меня отказался даже самый отъявленный бабник во всей округе!»

Собрав последние крохи мужества и достоинства, Сесили улыбнулась сестре:

— Не нужно извиняться, Сибилла, со мной все в порядке. Это было... это было забавно.

Она попыталась беззаботно рассмеяться, но вместо этого лишь нервно хихикнула. Отстранившись от сестры, она сказала:

— Уже очень поздно. Я пойду к вечерней службе, а потом к себе, спать. Не волнуйся за меня. — Она прижалась щекой к прохладной щеке Сибиллы. — Попроси Элис и Пирса не уезжать утром, не попрощавшись со мной. Боюсь, мне не удастся найти их сейчас в этой толпе.

— Хорошо, попрошу, — пообещала Сибилла. — Спокойной ночи, Сесили.

Ответное пожелание спокойной ночи Сибилле прозвучало бы нелепо, ведь она не собиралась покидать затянувшееся празднество. Поэтому Сесили просто улыбнулась и направилась к выходу.

Ей пришлось двигаться по периметру зала, вдоль стен, под балконом, на котором расположились музыканты. Периодически прощаясь с почти не замечавшими ее ухода гостями, она добралась до стены, к которой были сдвинуты столы и скамьи, чтобы освободить пространство для танцующих пар. Тут Сесили вздохнула с облегчением — среди груды грубой мебели она чувствовала себя защищенной от варварского веселья полуязыческого праздника. В углу виднелась потайная дверь, в которую она благополучно и ускользнула.

В пустом каменном коридоре царила приятная прохлада и благословенная тишина — отрада для слуха после пестрой и липкой какофонии зала. Сесили быстрыми тихими шагами шла в свои покои за накидкой, чтобы не замерзнуть по пути в часовню.

Он ни на секунду не задумался, отказываясь от нее! Он не захотел ее даже в шутку!

Войдя в свою комнату, она тихо притворила дверь, с трудом сдерживаясь, чтобы не хлопнуть ею от гнева и отчаяния, и направилась к гардеробу. Собственно говоря, она не совсем понимала причину своего столь неожиданного бешенства. Решение об уходе в монастырь было принято уже давно, хоть она и не торопилась выполнять его. Сесили находила особый смысл в служении Богу, ей по сердцу была тихая, спокойная жизнь, наполненная молитвами. Удивительная красота и прелесть мира — равно как

и его испорченность и греховность — лишь поддерживали в ней веру и стремление к монашеству. Собираясь в полной мере посвятить свою жизнь Богу, она надеялась сделать ее простой, предсказуемой, спокойной.

Ей было нетрудно найти накидку среди висевших в шкафу немногочисленных платьев. Встряхнув ее, Сесили критически осмотрела сильно поношенную вещь. Ткань, из которой она была сшита, местами протерлась чуть не до дыр, неровный подол был заметно обтрепан, к тому же накидка уже давно была слишком коротка для нее. Прежде Сесили как-то не замечала, что сшитая ее матерью накидка, когда-то добротная и красивая, совсем уже износилась. С того времени прошло целых десять лет, и все эти годы жизнь в замке была весьма беспокойной для всех его обитателей.

Когда родители еще были живы, они тоже не знали покоя. Морис Фокс выступал на стороне короля Генриха III в борьбе против баронов, требовавших подписания Великой хартии вольностей. Вскоре после смерти слабого монарха Морис тоже ушел в мир иной, и Амиции пришлось взять в свои руки бразды правления поместьем Фолстоу. При этом она находилась в остром конфликте с сыном короля, считавшим ее тайной шпионкой баронов. После смерти Амиции семейное знамя было подхвачено ее старшей дочерью Сибиллой. Та открыто выступала против Эдуарда I, и Сесили не сомневалась в том, что последствия такого поведения Сибиллы будут самыми печальными.

Вне опасности была Элис, которая вышла замуж с благословения самого короля Эдуарда I. Но что будет с Сибиллой? Гордость никогда не позволит ей подчиниться требованиям Эдуарда I, невзирая ни на